

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ ЗА РУБЕЖОМ

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИНСТИТУТА НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ ГЕРМАНСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Das Institut für deutsche Sprache und Literatur. Vorträge gehalten auf der Eröffnungstagung. (Deutsche Akademie der Wissenschaften zu Berlin. Veröffentlichungen des Instituts für deutsche Sprache und Literatur, 1.) — Berlin, Akademie-Verlag, 1954.

В рассматриваемый нами сборник входят доклады, прочитанные при открытии Института немецкого языка и литературы Германской Академии наук в Берлине в 1952 г. на организационной конференции, посвященной задачам и плану работы Института. Сборник содержит краткое вступительное слово президента Академии проф. В. Фридриха, общий доклад о плане работы института его директора члена Академии проф. Т. Фрингса и ряд специальных докладов по основным разделам плана как сотрудников института, так и гостей, прибывших на конференцию из различных частей Германии. Таким образом, сборник дает возможность ознакомиться с кругом вопросов, разрабатываемых в настоящее время в области германского языкознания и филологии в крупнейшем научном центре Германской Демократической Республики.

Два обстоятельства обращают на себя внимание при первом ознакомлении с общей перспективой научной работы института. Во-первых, в план его включены почти исключительно большие коллективные работы, прежде всего — составление словарей различного типа и издание сочинений немецких классиков средних веков и нового времени, т. е. научные предприятия большого масштаба, требующие организационной и материальной помощи и поддержки государства. Как видно из плана Германской Академии, такая помощь оказывается в настоящее время Германской Демократической Республикой с большой щедростью целому ряду культурных предприятий общенационального значения. С другой стороны, должно быть отмечено, что в этой работе активное участие принимают и прогрессивные ученые Западной Германии, выполняющие те или иные научные задания под общим руководством берлинской Академии наук как общенационального культурного центра. Некоторые из этих ученых выступали и в качестве докладчиков на конференции. Таким культурным сотрудничеством фактически преодолевается искусственное обособление Западной Германии, которого так настойчиво добиваются правительство Аденауэра и его иностранные покровители.

Широкая государственная помощь коллективным научным работам большого масштаба и национального значения, как видно из доклада проф. Фрингса, не была обычным явлением в практике старого немецкого государства. В свое время еще Я. Гримм в предисловии к «Немецкому словарю» отмечал тяжелое положение немецких филологов, вынужденных кустарным способом, по своему личному почину и на частные средства, осуществлять подготовку и издание трудов, непосильных для частной инициативы. «Начиная от Дасиподия и Пиктория и вплоть до Аделунга и Кампе все наши словари печатались без какой-либо публичной инициативы или помощи; приходится краснеть от стыда, когда видишь, что издание памятников родного языка, кроме отдельных похвальных исключений, в большинстве случаев осуществлялось на нищеские средства, при неохотной поддержке частных издателей, почти без всякого вознаграждения за труд. Было бы гораздо патристичнее, если бы вся эта работа в целом получила широкую поддержку, которая сделала бы возможным полное опубликование этих памятников для народного пользования»¹.

Условия, на которые жаловался Гримм в 1855 г., не изменились существенным образом и в Германской империи Бисмарка и Гогенцоллернов. Об этом особенно ярко свидетельствует мартиролог немецкого диалектологического атласа («Sprachat-

¹ J. Grimm und W. Grimm, Deutsches Wörterbuch, Bd. 1, Leipzig, 1854, [Предисловие], стр. VIII.

las des Deutschen Reichs»). Его составитель Г. Венкер (1852—1911), скромный учитель гимназии в Дюссельдорфе, потом библиотекарь в Марбурге, по своей инициативе разослал в 1876 г. по всем народным школам своего округа диалектологическую анкету, в дальнейшем постепенно распространив свой опрос на остальную Германию. С ростом материала Венкеру стало ясно, что один он никогда не справится с грандиозным объемом работы по составлению карт. По его подсчетам, при минимальном времени по 4 секунды для регистрации на карту каждого языкового факта для завершения всей работы ему потребовалось бы более 50 лет. Но работа национального значения, переросшая рамки частной инициативы скромного научного работника, в течение ряда лет не находила признания и поддержки официальных инстанций германского государства. Мы знаем теперь из частного письма Венкера, что вся его затея представлялась авторитетным лицам «слишком далекой по своей перспективе и слишком дорого стоящей для человека, не располагающего собственными денежными средствами (für einen vermögenslosen Mann)»¹. Наконец, в 1886 г. берлинская Академия наук согласилась взять марбургский атлас на свое иждивение, с предоставлением Венкеру «щедрой» по тому времени государственной поддержки — двух ассистентов и небольшой денежной суммы на текущие расходы и в то же время с запрещением до окончания всей работы что-либо самостоятельно публиковать из собранного им материала. С помощью этих двух ассистентов Венкер и его помощник, а потом и преемник проф. Ф. Вредэ в течение 40 лет (1886—1926) в результате героических усилий собственноручно перенесли на карты материал 40 тыс. анкет, содержащих около 350 слов, составив, таким образом, более 1600 карт в двух рукописных экземплярах, один из которых оставался в Марбурге, а другой передавался в Берлин, в библиотеку Академии наук. Только в 1926 г., к 50-летию инициативы Венкера и через 15 лет после его смерти, проф. Вредэ удалось получить средства для печатания атласа, однако в уменьшенном масштабе и сильно упрощенной форме («Deutscher Sprachatlas, Marburg, 1926 и сл.), — издание, которое до сих пор остается незаконченным (печатание после второй мировой войны возобновилось в Марбурге в 1950 г. под редакцией преемника тем временем скончавшегося Вредэ — проф. В. Митцка, но продолжается прежними медленными темпами).

Разумеется, если бы в распоряжении Венкера и его преемников было не 2 ассистента, а 10—15, работа над составлением и печатанием атласа не растянулась бы на много десятилетий, а была бы закончена своевременно. Судьба Венкера и его атласа — типичный пример трагедии ученого-новатора в буржуазном обществе, равнодушном к большому научному начинанию, имеющему общенациональное значение.

В сходных организационных условиях создавался и уже упоминавшийся «Немецкий словарь» Я. Гримма («Deutsches Wörterbuch», 1854 и сл.), завершение которого представляет в настоящее время важнейшую задачу словарной работы нового института. Издание словаря Гримма продолжается уже более 100 лет; за это время напечатано 335 выпусков (т. е. в среднем 3—3½ выпуска в год). Начало работы над словарем явилось результатом издательской инициативы. В 1837 г. Я. Гримм, в то время профессор в Геттингене, был уволен из университета вместе с несколькими профессорами буржуазно-демократического лагеря. С целью предоставления ему материальной поддержки и работы по специальности издательство Вейдман предложило ему взять на себя составление научного словаря немецкого языка. Согласно плану Гримма, словарь был задуман в чрезвычайно широких масштабах, на историческом основании, с документацией истории каждого слова, его значений и употребления, в исторических рамках от раннего новонемецкого периода (примерно с 1450 г.) до классического периода немецкой литературы XVIII — начала XIX в., с привлечением также по мере надобности для истории значений отдельных примеров из средневерхнемецких, реже и древневерхнемецких памятников. Как собирание примеров, так и обработка целиком производились самим составителем словаря; однако материал присылали по собственной инициативе и случайные добровольные корреспонденты, число которых, согласно сообщению Гримма, доходило до 80.

Эта организация работы сохранилась и после смерти Гримма (1863 г.). Каждый из последующих томов имел отдельного составителя (одновременно собирателя и редактора) из числа крупнейших представителей германистики того времени (Гильдебранд, Вейганд, Вундерлих, Лексер, М. Гейне); такой составитель, работая в течение десятилетий на добровольных началах над своей буквой, делал сам всю работу, начиная от первичных выписок до окончательной редактуры, в рамках общего замысла Гримма, но иногда с очень существенными различиями в выполнении, продиктованными индивидуальными знаниями или научными вкусами. Эту самостоятельность своей индивидуальной научной инициативы составители продолжали упорно отстаивать и впоследствии, когда отрицательные стороны такого индивидуализма стали уже достаточ-

¹ См. В. M a r t i n, Georg Wenkers Kampf um seinen Sprachatlas (1875—1889), сб. «Von Wenker zu Wrede» («Deutsche Dialektgeographie», Heft XXI), Marburg, 1933, стр. 26.

но очевидны. Словарь, писал Вундерлих, «нуждается прежде всего в свободных личностях, если хотят, чтобы он осуществлялся успешно»¹.

Только в 1908 г. руководство над словарем взяла на себя так называемая Немецкая комиссия (Deutsche Kommission) берлинской Академии наук, притом взяла «неохотно», по характерному признанию ее председателя. Вместе с организацией единого научного руководства было создано в Геттингене центральное бюро выборщиков (Zentralsammelstelle), которое должно было подготавливать для высококвалифицированных составителей, продолжавших работу на добровольных началах, материал выписок по очередным буквам. Уже к 1912 г. в архиве бюро насчитывалось 1 млн. 813 тыс. выписок.

Наконец, в 1930 г., по докладу берлинского германиста проф. А. Гюбнера, была предпринята новая реформа, преследовавшая цели большей унификации и ускорения темпов затянувшейся работы: составление словаря поручено было небольшой группе штатных сотрудников из начинающих научных работников, объединенных в Берлине под квалифицированным руководством крупного специалиста. Согласно крылатому выражению Гюбнера, словарь необходимо было готовить «фабричным способом» («fabricatorisch»), но качество руководства должно было обеспечить выработку не ховодого «фабричного товара», а «полноценную научную работу»².

В Институте немецкого языка общим руководителем работы по завершению словаря Гримма является директор института проф. Фрингс, непосредственное руководство осуществляет проф. Б. Бекман, доклад которого напечатан в сборнике (стр. 125—136). Работа ведется в Берлине при участии вспомогательной группы в Геттингене (Западная Германия) коллективом, состоящим из 14 штатных научных и 8 технических сотрудников. Остающиеся 30 выпусков словаря предполагается издать до 1960 г. В дальнейшем намечено новое издание всего «Немецкого словаря» по единому научному плану. Таким образом, коллективная организация научной работы, вышедшая из туника «академического индивидуализма», при опытном научном руководстве и широкой материальной поддержке демократического государства, обеспечила, наконец, возможность полноценного завершения научной работы большого масштаба и общенационального значения.

Институт немецкого языка и литературы взял на себя руководство и другой словарной работой, также возникшей по частной научной инициативе, — «Средневерхне-немецкого словаря» («Mittelhochdeutsches Wörterbuch»). Подготовительные работы велись его первыми организаторами уже без малого четверть века; картотеки словаря насчитывают в настоящее время более миллиона выписок. Новый словарь должен заменить прежние — неполные и в настоящее время устаревшие. Он будет состоять из трех томов в хронологических рамках 1050—1500 гг.: первый, в основном уже подготовленный, охватывает ранний, доклассический период (до 1170 г.), второй — период классический, третий — поздний период, переходный к новонемецкому. Работа ведется одновременно в Берлине, в Гейдельберге и в Гамбурге по согласованному плану. Сессия заслушала доклады проф. Киваста (Гейдельберг) и проф. Претцеля (Гамбург), руководителей работы в Западной Германии (стр. 97—123).

«Средневерхне-немецкий словарь» хронологически смыкается с «Древневерхне-немецким словарем» («Althochdeutsches Wörterbuch», Berlin, Akademie-Verlag, 1952 и сл.), издающимся Саксонской Академией наук в Лейпциге под ред. проф. Фрингса и его многолетней сотрудницы проф. Е. Карг-Гастерштедт. Начало «Древневерхне-немецкому словарю» положено было лет шестьдесят тому назад карточным указателем к известному собранию древне-немецких глосс Штейнмейера-Сиверса, не использованному «старыми, крайне неполными древне-немецкими словарями. С течением времени этот указатель превратился в полный словарь древневерхне-немецкого языка в хронологических рамках 750—1150 гг., регистрирующий весь лексический материал этого периода по грамматическим формам и по значениям. Отдельные словарные статьи, представлявшие интерес с лингвистической или культурно-исторической точки зрения, уже ранее публиковались проф. Фрингсом и его сотрудниками как образцы обработки собранного ими материала»³. В настоящее время лейпцигская Академия наук начала публикацию этого многотомного издания.

Под руководством Института немецкого языка работают и над областными диалектологическими словарями. Ряд таких словарей, обычно рассчитанных на несколько томов, подготовился в разное время и с различным успехом в большинстве университетских центров германских «земель» с помощью обширного штата добровольных ме-

¹ См. «Zeitschrift für deutsche Philologie», Bd. 40, 1908, стр. 103.

² А. Н ü b n e r, Die Lage des Deutschen Wörterbuchs, «Anzeiger für deutsches Altertum und deutsche Literatur», Bd. 49, 1930, стр. 79—90. См. также А. G ö t z e, Deutsche Wortforschung, «Germanische Philologie. Ergebnisse und Aufgaben. Festschrift für Otto Behaghel», Heidelberg, 1934, стр. 155—156.

³ См. Е. K a r g - G a s t e r s t ä d t и Th. F r i n g s, Aus der Werkstatt des Althochdeutschen Wörterbuchs, «Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur», Bd. 60, 1936 и сл.

стных корреспондентов¹. Широкие масштабы задуманного издания при недостатке материальных средств и отсутствии солидной организационной базы с достаточным числом штатных сотрудников обусловили крайнюю медленность собирания и обработки словарного материала, публикация которого в большинстве случаев осталась незаконченной.

В настоящее время на территории Германской Демократической Республики при поддержке Германской Академии наук подготавливаются три областных словаря нижненемецких диалектов — мекленбургский, бранденбургско-берлинский и померанский. Руководителем первого, наиболее продвинувшегося, является Г. Тойхерт (H. Teichert), профессор Ростокского университета, крупнейший знаток восточнонижненемецких диалектов. По его инициативе было начато собирание материала и для бранденбургского словаря, во главе которого в настоящее время стоит сотрудник Академии проф. Розенфельд.

Специальный характер имеют словари названий животных и растений, которые подготавливаются к печати под руководством члена Академии В. Виссмана. В немецком языке большинство этих названий имеет местный характер, с значительной дифференциацией по говорам. Основной материал словаря растений был собран в течение 30 лет учителем Г. Марцелль. В настоящее время Германская Академия наук обеспечила продолжение издания оставленной им рукописи словаря (H. Margell, Wörterbuch der deutschen Pflanzennamen, Bd. 1, Leipzig, 1943), которое было прервано в период второй мировой войны.

Одновременно с работой над словарями Германская Академия продолжает издание средневековых немецких рукописных текстов как важных языковых и литературных источников (серия «Deutsche Texte des Mittelalters», под ред. В. Симона). С 1948 по 1953 гг. напечатано 3 выпуска серии; согласно сообщению проф. Фрингса, подготовлены к изданию и подготавливаются еще 8 выпусков, содержащих преимущественно неизданные поэтические и прозаические памятники позднего средневековья немецкого периода (XIV в.).

В центре работы института по новому периоду немецкого языка и литературы стоит творчество Гете. Институт подготавливает новое научно-критическое издание сочинений Гете и словарь его языка. На сессии доклады об этих работах сделали их руководители — проф. Э. Грумах (стр. 39—51) и член Академии В. Виссман (стр. 53—63).

Канонический текст собрания сочинений Гете был установлен так называемым «веймарским изданием» (1887—1920 гг.). В подготовке этого издания, содержащего 148 томов художественных и научных сочинений, дневников и писем, участвовали крупнейшие и наиболее авторитетные специалисты того времени, и его научно проверенный текст, не вызывавший сомнений в своей достоверности, лег в основу всех последующих изданий научного и популярного характера.

Проф. Грумах, однако, ставит под сомнение текстологические принципы веймарского издания². В его основу редакционная коллегия положила текст последнего прижизненного издания сочинений Гете (Goethe's Werke. Vollständige Ausgabe letzter Hand, Stuttgart—Tübingen, Cotta, 1827 и сл.) как окончательного выражения «творческой воли» поэта, допуская отступления от этого текста лишь в случаях явных опечаток и искажений. Однако текст этот, как показывает сравнение с рукописями и сохранившимися корректурами, в существенных деталях вовсе не безупречен: Гете предоставлял расстановку знаков препинания и грамматическую правку своему помощнику, филологу Гетлингу, который руководствовался «школьными» принципами, а в ряде случаев поэта правила и корректора издательства Котта. Поэтому «творческая воля» Гете по отношению к тексту его произведений, при наличии контрольного материала, должна, по мнению проф. Грумаха, определяться в каждом конкретном случае обычными приемами критической интерпретации.

Более принципиальное значение имеет предпочтение, которое проф. Грумах оказывает ранним версиям произведений Гете по сравнению с поздними. Известно, что Гете подвергал свои произведения, в особенности созданные им в период «бури и натиска», далеко идущей переработке, как по содержанию, так и по стилю, с точки зрения мировоззрения и эстетики периода классицизма. Такая редакционная работа автора через много лет после создания произведения подчиняла равного Гете чуждым ему нормам позднего периода.

«Превращение последнего печатного текста в норму издания имело поэтому по-

¹ См.: W. Mitzka, Deutsche Mundarten, Heidelberg, 1943, стр. 147—152; ег о же, Die landschaftlichen deutschen Mundartwörterbücher der Gegenwart, «Zeitschrift für Mundartforschung», 1937. Ср. также В. М. Ж и р м у н с к и й, Методика социальной географии, сб. «Язык и литература», т. VIII, Л., 1932, стр. 89—99.

² См.: E. Grumach, Prolegomena zu einer Goethe-Ausgabe, «Jahrbuch der Goethe-Gesellschaft», Bd. XII, Weimar, 1950, стр. 60—88; ег о же, Aufgaben und Probleme der modernen Goetheedition, «Wissenschaftliche Annalen», Jg. I, Heft 1, 1952, стр. 8 и сл.

следствием то, что может быть названо антистормом веймарского издания: в результате в единственном критическом издании его сочинений мы имеем позднего Гете; принципы и правила, определяющие форму текста, — это правила позднего Гете и даже часто всего лишь его советников, на которые он давал согласие только вследствие отчужденности от произведений своей молодости или равнодушия к ним; молодой Гете и даже Гете среднего периода, тот Гете, творческая сила которого, бьющая через край, создала эти произведения, отодвинут в веймарском издании из критический аппарат. Поэтому мы читаем все творения Гете, независимо от их происхождения и возраста, в приглушенной и смягченной форме, которую Гете придал им в годы своей зрелости и, к тому же, как уже было сказано, в нормализованной Гетлингом орфографии и пунктуации, искусственно созданными для того, чтобы сделать единообразными и выравнять все те различия, противоречия и изменения, которые наличествуют в сочинениях Гете как результат его шестидесятилетнего творчества» (стр. 44—45).

Грумах не удовлетворен и критическим аппаратом веймарского издания, в котором различия последовательных редакций произведений Гете обезличены механической разбивкой на изолированные «разночтения» (Lesarten). Такая подача вариантов текста, следующая методике издания старинных рукописей, может быть полезна лишь в тех случаях, когда авторская правка ограничивается отдельными словесными изменениями в рамках одной редакции, но она непригодна там, где мы имеем дело, как у Гете, с последовательностью творческих редакций (или версий) произведений в целом.

Эти новые принципы положены в основу критического издания сочинений Гете, предпринятого Германской Академией в юбилейном 1949 г. под общим руководством Грумаха. Оно не предполагает быть «полным собранием» всех сочинений Гете, а ограничено, согласно плану, его основными художественными произведениями. Образцом может служить подготовленное Грумахом критическое издание «Западно-восточного дивана» (Goethe. West-östlicher Divan) в 6 томах, из которых 3 уже опубликованы (1952). В основу положен, повидимому, текст 1819 г., с привлечением чистых рукописей; в критическом аппарате даются многочисленные, частично ранее неопубликованные, рукописные наброски, а также позднейшие рукописные исправления Гете и Гетлинга, положенные в основу последнего прижизненного издания 1827—1828 гг. Тем самым становится возможной и критическая проверка веймарского издания, к которой призывает Грумах¹.

Эта ревизия канонического текста Гете несомненно заслуживает серьезного внимания, хотя выдвигаемые самим Грумахом принципы издания представляются мне во многих отношениях дискуссионными. Разумеется, можно только приветствовать тот тип научно-критического издания классических произведений мировой литературы, который пропагандирует и осуществляет Грумах: речь идет в сущности о серии публикаций монографического характера, воспроизводящих ряд последовательных редакций данного произведения, начиная с первой, как это делалось и раньше по отношению к таким сочинениям Гете, как «Фауст» или «Гец фон Берлихинген». Нельзя не согласиться с тем, что предпринятое в свое время М. Моррисом издание произведений и писем молодого Гете («Der junge Goethe. Neue Ausgabe in sechs Bänden besorgt von Max Morris, Leipzig, 1909—1912»), восставшее не только первоначальный текст этих произведений, но и характерную для них орфографию и пунктуацию, фонетику и грамматику, до сих пор остается незаменимым научным пособием для изучения особенностей языка и поэтического стиля Гете периода «бурных стремлений» — изучения, которое совершенно невозможно на основе канонического текста веймарского издания. Однако полное собрание сочинений великого писателя в массовом издании, предназначенном для читателя, не являющегося историком литературы по профессии, вряд ли может идти иным путем, кроме указанного самим поэтом в его окончательной редакционной обработке своих произведений (если только эта обработка не является прямым искажением): разумеется, с теми конкретными поправками критического характера, которые не могут быть заранее указаны в общей форме.

Работа над словарем Гете ведется Германской Академией с ее основания в 1946 г. по плану, разработанному проф. В. Шадевальдом (W. Schadewaldt)². В отличие от небольшого словаря, составленного в 1929 г. П. Фишером³, академический словарь, как сообщает в своем докладе Виссман, должен охватить полностью весь материал художественных и научных произведений Гете, его писем и дневников, зарегистрировать все слова, во всех значениях, со всеми особенностями словоупотребления. Словарь должен

¹ Новое издание печатается как серия самостоятельных выпусков под общим заглавием: «Werke Goethes. Herausgegeben von der Deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin» (Berlin, Akademie-Verlag).

² См. «Jahrbuch der Goethe-Gesellschaft», Bd. XI (1949), Weimar, 1950.

³ P. Fischer, Goethe-Wortschatz. Ein sprachgeschichtliches Wörterbuch zu Goethes sämtlichen Werken, Leipzig, 1929.

служить источником для истории новонемецкого литературного языка и в этом смысле дополнять словарь Гримма; в то же время он явится филологическим комментарием к сочинениям Гете, средством углубленного изучения его мировоззрения и стиля. Выборки производятся в Берлине, Лейпциге, Гамбурге и Тюбингене под общим руководством специальной комиссии Академии наук. Картоотека будет иметь около 2 млн. выписок, из которых к отчетному году имелось в наличии более 400 тыс. Выписки изготовляются в двух экземплярах: первый вставляется в общий алфавит, второй предназначается для словарей к отдельным произведениям. К печати уже подготовлены такие монографические словари к «Гецу фон Берлихингену», «Вертеру» и «Ифигении». Разработано и несколько пробных словарных статей, позволяющих судить о принципах и методике обработки материала.

Кроме издания сочинений Гете, институт продолжает издавать начатые еще старой Академией наук полные собрания сочинений К. М. Виланда и Ж. П. Рихтера и возобновляет прекращенное во время войны печатание нового издания многотомной библиографии по истории немецкой литературы К. Гёдеке (K. Godeke, Grundriss zur Geschichte der deutschen Dichtung) и критико-библиографического ежегодника по германской филологии и новой немецкой литературе (Jahresberichte über die Erscheinungen auf dem Gebiete der germanischen Philologie und der neueren deutschen Literatur). Эти библиографические издания подготавливаются специальной группой научных и технических сотрудников. План работы института намечает в дальнейшем и ряд других публикаций из области новой немецкой литературы: собрания сочинений О. Людвиг и Т. Фонтане, полное собрание сочинений «бурного гения» Ф. М. Клингера, научное издание «Од» Ф. Г. Клопштока и др.

Новые задачи германистики выдвигает в своем докладе член Академии проф. В. Штейнитц, руководитель отдела современного немецкого языка (стр. 65—96). Как справедливо отмечает проф. Штейнитц, старая немецкая германистика, носившая со времен ее основателя Я. Гримма, в основном, исторический характер, пренебрегала изучением современного немецкого языка. Исторический характер имели в большинстве своем и научные немецкие грамматики: для них характерно было, как показывает на ряде примеров проф. Штейнитц, перенесение грамматических категорий древних периодов на современные языковые отношения. Проф. Штейнитц намечает план создания научной грамматики современного немецкого языка. Дополнением к ней будет словарь современного немецкого языка, задача которого, в отличие от словаря Гримма, обращенного в прошлое, представить «все живое богатство современного немецкого языка». Материал примеров, иллюстрирующих словоупотребление, заимствуется «из ведущих литературных, научных и общественных произведений авторов XX и XIX вв.». Классическая литература XVIII в., начиная с Лессинга, привлекается, чтобы иллюстрировать слова и значения, в настоящее время уже не употребляемые, но понятные, поскольку они встречаются в произведениях читаемых и в настоящее время писателей. Исключаются слова, представляющие продукт индивидуального поэтического словотворчества, специальные термины различных отраслей науки и техники; однако в словарь должны быть включены все иностранные слова, вошедшие в словарный состав «образованного слоя». В качестве научного образца проф. Штейнитц называет «Голковый словарь русского языка» под ред. проф. Д. Н. Ушакова, отмечая, как его существенное достоинство по сравнению с немецкими словарями, наличие многочисленных, точно дифференцированных стилистических помет.

Особенно важной в научном отношении задачей того же отдела является издание «Словаря Маркса-Энгельса» («Marx-Engels-Wörterbuch»). Немецкая лингвистическая наука сделала до сих пор чрезвычайно мало для изучения языка великих основоположников научного социализма. В словаре Гримма, указывает проф. Штейнитц, имеются лишь две-три случайные цитаты из Маркса. Отсутствуют такие слова, как *Klassenkampf* («борьба классов»), *Produktionsmittel* («средства производства»), *Produktionsweise* («способ производства»), *Basis* («базис» — как в общем, так и в специальном значении) и многие другие; отсутствуют *Überbau* («надстройка»), *Mehrwert* («прибавочная стоимость») в том значении, которое придал этим словам Маркс; слово *Arbeiterbewegung* («рабочее движение») определяется как «рабочий бунт» («Aufuhr der Arbeiter, Arbeiterkrawall») и т. п. В ряде случаев словарь Гримма не отмечает и самых общих терминов политического и общественного характера, в особенности — интернациональных слов, например *Demokratie* («демократия»), *kosmopolitisch* («космополитический»), также *Pressefreiheit* («свобода печати») и др.

Согласно плану проф. Штейнитца, «Словарь Маркса-Энгельса» должен уделить наибольшее внимание словам, представляющим интерес по своему значению, «важным в терминологическом отношении». Обильные цитаты из произведений разного времени позволят проследить историческое развитие терминологии научного социализма, ее связь с терминами и понятиями английской политической экономии, французского утопического социализма и материализма, немецкой классической философии и покажут ее широкое влияние на другие языки.

Рассмотрение этих актуальных проблем современного немецкого языкознания проф. Штейнитц завершает методологическим обзором и критикой господствующих

направлений буржуазного языкознания XIX и XX вв. и обоснованием основных положений современного марксистского языкознания.

Дополнением к серии докладов по вопросам германистики является информационное сообщение проф. К. Бишоффа (стр. 19—37) о «Словарном атласе немецкого языка», который издается в настоящее время Марбургским диалектологическим институтом под редакцией его директора проф. В. Митцка (W. M i t z k a, Deutscher Wort-atlas, 1951 и сл.). Новый диалектологический атлас восполняет существенный пробел атласа Венкера, в котором, в отличие от французского атласа Жильерона, почти полностью отсутствовал материал по словарной географии (Wortgeographie). Анкета, содержащая 200 слов, была разослана составителем еще в 1939 г. в тогдашних границах распространения немецкого языка, при посредстве учителей народных школ (около 48 тыс. опорных пунктов). Статья проф. Бишоффа знакомит с историей создания атласа, методикой собирания материала и его картографической обработки и с методами интерпретации на примере нескольких словарных карт, которые воспроизводятся в сборнике.

Помимо докладов по германистике на сессии были заслушаны сообщения о работе комиссии по общему и сравнительному языкознанию (стр. 137—143), институтов славистики (стр. 145—155) и романского языкознания (стр. 157—180). Отчет по славистике Г. Г. Бильфельда отмечает недостаток в квалифицированных научных силах (стр. 150). Тем не менее необходимо отметить широкую постановку работы этого института, в особенности по изучению исторического взаимодействия немецких и славянских элементов на территории нынешней восточной Германии: языка лужицких сербов («лужичан»), местных названий лужицко-сербского происхождения на среднем востоке Германии, остатков языка полабских славян, сохранившихся в районе Люнебурга еще в XVIII в., и др. Наиболее обширным исследованием в этой области является трехтомный труд недавно скончавшегося члена Академии известного лейпцигского слависта Р. Траутмана, посвященный славянским топонимике между Эльбой и Балтийским морем (R. T r a u t m a n n, Die Elb-und Ostseeslawische Ortsnamen, Berlin, 1948—1950). Труд этот, первый том которого был отпечатан еще в 1939 году, был запрещен фашистской цензурой и в первом издании подвергся уничтожению до выхода в свет. В настоящее время работниками института подготовлен к печати подробный указатель к этой монументальной работе.

Одновременно ведутся исследования по инвентаризации славянских заимствований в немецком языке, сохранившихся в немецких диалектах в области первоначального расселения славян — не только в восточной Германии, но также в Ганновере, в Баварии и в Австрии. Процесс заимствования продолжался в течение почти целого тысячелетия, особенно интенсивно в период с XI—XII по XVI вв. Многие славянские слова, впоследствии вытесненные из немецких диалектов, могут быть обнаружены в средневековых письменных памятниках, в частности — в грамотах.

Большое культурное значение будет иметьготавливаемый Институтом славистики «Русско-немецкий словарь», рассчитанный на 50—60 тыс. слов. В своем словнике он ориентируется на словарь русского языка Д. Н. Ушакова и С. И. Ожегова. Издание такого словаря соответствует настоятельным потребностям широких кругов немецкого населения, проявляющих в настоящее время живой интерес к русской культуре и литературе и изучающих русский язык.

В целом сборник свидетельствует о широких перспективах и серьезных достижениях филологической работы в Германской Демократической Республике. Как было ясно уже основателю германской филологии Я. Гримму, научные задачи большого масштаба и общенационального значения не могли быть с успехом доведены до конца учеными-одиночками и неизбежно перерастали рамки узко индивидуальной кабинетной работы. Буржуазное общество и государство проявляло в большинстве случаев паразитическое равнодушие к судьбе подобных культурных начинаний. Большие коллективные научные труды, создаваемые в настоящее время Институтом немецкого языка, впервые стали осуществимы в наше время благодаря широкой организационной и материальной поддержке демократического государства.